

## СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

## МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

# ПОСЕТИТЕЛЬ ПРИХОДИТ К КАЖДОМУ

На спектаклях Алма-Атинского русского  
академического театра драмы им. М. Ю. Лермонтова

Один из героев пьесы «Последний посетитель» В. Дозорцева, показанной на гастролях в Москве Алма-Атинским русским театром, довольно решительно заявляет, что всех людей на свете он делит на «живых» и «мертвых», то есть на тех, кто сохранил способность к поступку, и на безнадёжно ослепших. К словам этого героя стоит прислушаться, хотя, чтобы пользоваться его определением, надо обладать тем же нравственным чутьем, совестью и верой в возможность пробиться к человеческому в человеке. Иные из этих свойств порой удается имитировать, подменить то житейским умом, то показной добродетельностью. Гораздо сложнее дело обстоит с верой, имитации не поддающейся, потому что она диктует поступки, определяет выбор.

В многоликом разнообразии театров тоже можно ориентироваться, сообразуясь с определением Посетителя — «живой» коллектив или «мертвый». Однако руководствоваться им критике не менее трудно, чем в жизни.

Спектакль «Последний посетитель», поставленный главным режиссером лермонтовцев Р. Андриясином, не случайно, на мой взгляд, стал кульминацией московских гастролей коллектива. В том, как выстроена постановщик психологические повороты сюжета, в том, каким увидел он вместе с актером Л. Темкиным главного героя, проглядывают направление поисков этого театра последних лет, его этическая позиция и даже темперамент.

Вместе с персонажем Л. Темкина на сцену выходит интеллигентный человек. Не магистраль, не деликатный, не заискивающий, но устный, не расхлябанный, но внутренне свободный, не высомерный, но гордый, не эпатирующий, но отстаивающий...

Посетитель вошел в кабинет заместителя министра здравоохранения в этом спектакле не для того, чтобы восстановить вселенскую справедливость, мировую гармонию, а для того, чтобы вступить за одного человека, точнее — за двух. Между этими двумя людьми пропасть, они далеко отстоят друг от друга на социальной лестнице — спивающийся молодой журналист Гранович, сбивший с ног при первом же столкновении с реальностью, и без пяти минут министр Казимир, когда-то равнодушно перешагнувший через него. Посетителю важно преодолеть зияющую пропасть, связать преступление с наказанием не ради возмездия, а ради искупления, без которого невозможно движение вперед.

Гранович не появляется на сцене, но усилиями режиссера и Л. Темкина он становится шестым персонажем спектакля, знакомым нам не только по жизни, но и по пьесам и фильмам — младший брат валипиловских героев, все еще совершающий свои полеты во сне и наяву. Мы уже знаем, что далеко не у всех он вызвал сострадание, его винили и казнили десять лет кряду, попусту читали нотации, добывая лажачего. Посетитель взялся помочь. Не устройством в наркологическую клинику, санаторий, не восстановлением на работе — ведь это латание, штолка. Конкретность добра для него — в наказании конкретного зла. Поэтому-то Посетитель и предлагает Казимиру — хирургу, отошедшему от своего дела, ставшему равнодушным к людям администратором, пойти в отставку, уйти по собственному желанию, то есть искупить свою вину и во имя человека, и во имя себя самого.

Посетителю Л. Темкина чужд пафос разоблачения, упоение боем. Он застенчив и чуть стесняется того, что а герои попали. Он знает, что взялся за тяжелую работу, но по врожденной интеллигентности не может не довести ее до конца. Твердость понятий должна диктовать твердость поступков.

Когда озадаченные нестандартностью ситуации Казимир и его помощник Ермолов пытались дознаться, кто этот дикий выскочка, с легкостью подозревая в нем то стряпчего, то сумасшедшего, он настаивал на скромном звании — современник. Со-временник, живущий в одно время со всеми, свидетель и великого, и низкого, в данном случае имеющий мужество, в силе не стать со-участником.

Какая потребность для этого отвага, как схожи личности «мертвых» людей и как богаты и неповторимы образы «живых», рассказывается и в других спектаклях театра, поставленных Р. Андриясином.

В «Расточителе» Н. Лескова, пьесе, редко идущей на нашей сцене, театр выдвинул на первый план фигуру злобующую и примечательную. Князев в остром, жестком исполнении Ю. Померанцева предстает перед нами во всем величии человеческой низости. Доморощенный российский мафиози демонстрирует бессмертные приемы лгунов да капканчиков, виртуозно расставляя

их перед честью, совестью, простодушием, чистотой. Вызывая чувство содрогания, он тем прежде всего и интересен, что раскрывает зрителю свои тайны, потрясая бездонностью аморальности. Его знание людей сводится лишь к знанию границ, которые не всякий преступить может. Считаю, что пользуется человеческими слабостями, он пользуется человеческими добродетелями, создавая вокруг себя атмосферу мерзости и разврата.

Ю. Померанцев с первой минуты спектакля берет верный лесковский тон, буквально во всем точно следуя за автором, словно для этого актера написанного своего язвительного персонажа. Князев не страшат ни новые веяния, ни реформы, пославшие ланиту в ряды его думских соотечественников (речь в пьесе идет о проблемах пореформенной России), ему опасен лишь его ученик, думский секретарь Минутка, доносом на своего учителя расплатившийся за годы учения. Г. Балаев, играющий помощника Князева и помощника заместителя министра Казимира, не повторяется в этих ролях, но вместе с режиссером ищет и находит родовую общность.

К сожалению, тема расточительства в ее лирико-драматическом повороте не прозвучала в образе частного, европейски образованного, добродетельного Молчанова (Г. Федоров), хотя там и была богатство литературных и исторических ассоциаций. Ее отголоски слышались лишь в игре Е. Попова (Макшеев), Л. Полохова (Дробадинов) и Н. Долматовой (Марина Николаевна).

Включение в репертуар «Дома» Ф. Абрамова объяснялось, я думаю, несколькими причинами. Этой работой Р. Андриясин начал три сезона назад знакомство с новой для себя труппой. Режиссер принял коллектив, переживший довольно драматическое десятилетие, сменивший за это время четырех главных режиссеров и встраивавший свое пятидесятилетие, несколько растеряв накопленный опыт. Одна из лучших страниц истории этого театра связана с постановкой М. Сулимова «Два зимы и три лета» Ф. Абрамова. Возвращение к прозе этого писателя было в какой-то мере присягой на верность живым традициям лермонтовцев, позволяло режиссеру сразу вступить в контакт с большим количеством исполнителей.

Эпические краски, вероятно, не самые яркие в палитре Андриясина. Многие в спектакле «Дом» потерялось в калейдоскопе эпизодов, поблики некоторых образы. Но вновь заставила любоваться своей Лизаветой Пряслиной Н. Жмеренецкая, пронесшая вместе с героиней через годы святую силу того давнего спектакля. Вновь мы с напряжением следили за душевными метаниями Мизанла Пряслина, хотя Л. Темкину и не удается до конца слиться с абрамовским персонажем. В этом спектакле особенно понятно тага Михаила и Калина Дунаева (Л. Полохов) и его жене великодушнице Евдокии. Пожалуй, именно Л. Нальская — Евдокия в больших монологах-исповедах, грандиозных психологически сложно, наиболее глубоко погружает нас в драматическую историю людей, ставших творцами и невольниками своей судьбы.

На первый взгляд шутовская комедия Г. Горина «Тиль!» и драма П. Шеффера «Амадей» (постановки режиссера М. Мамилова) принасятся к тому же кругу этических проблем, вскрывают те же конфликты личности и посредственности, что и в вышеуказанных спектаклях, однако лишь на первый взгляд. В «Тиле!» и «Амадее» происходит как бы подмена главных героев: Тиль — Рыбником, Моцарта — Сальери. Именно эти роли, сыгранные Ю. Капустиним (великолепная работа актера) и М. Токаревым, выдвигаются на первый план. Пьеса Горина и пьеса Шеффера неожиданно сближаются, и происходит едва ли не отпущение грехов посредственности всех времен. Горько, когда в «Амадее» этот сомнительный девиз звучит под режиссурой Моцарта.

В этих двух спектаклях есть интересные актерские работы молодого поколения труппы — В. Петрова, В. Черныш, Н. Долматовой, В. Максимова, М. Ганцевой, Г. Буяновой, И. Минина (вся молодежь занята и в «Конике-Горбушке», постановленном Ю. Костенко). Однако с удовольствием знакомясь с ними, мы понимаем и то, что умение хорошо и легко двигаться сочетается у многих пока лишь с внешними приемами игры — пафос Клеаса не достучался еще до их сердец.

Двенадцать лет разделяют нынешние и прошедшие гастроли в Москве Русского театра драмы им. М. Ю. Лермонтова. Привезя тогда домой академическое знание, стопку хвалебных рецензий, воспоминания об успехах, театр потерял руководителя. Сейчас коллектив возглавляет Р. Андриясин, и театр вновь обретает живое дыхание поисков.

Мария СЕДЫХ.